

УДК 821.162.1

В. Б. Мусий,

доктор филологических наук,

профессор кафедры мировой литературы

Одесского национального университета имени И. И. Мечникова,

Французский бульвар 24 / 26, г. Одесса, 65058, Украина,

тел. : (048)746-56-97,

urd7@rambler.ru

ОППОЗИЦИЯ „СВОЕ–ЧУЖОЕ” В РОМАНЕ Ю. И. КРАШЕВСКОГО „СУМАСБРОДКА” („SZALONA”)

В статье на основе изучения системы оппозиций в романе Ю. И. Крашевского определяется характер воплощенной в произведении авторской концепции действительности. Это оппозиции „прошлое – настоящее”, „большой мир города – малый мир усадьбы”, „долг – чувство”. Главную роль играет оппозиция „свое – чужое”. Делается вывод об определяющем тональности романа „Сумасбродка” переживании его автором состояния бесприютности.

Ключевые слова: оппозиции, роман, авторская концепция, свое, чужое, отторгаемое, конфликт, Юзеф Игнаци Крашевский.

Действие романа Крашевского „Szalona” (1880) происходит в Украине, которую писатель хорошо знал. Главным образом – Волынскую область. Дважды он посещал и Одессу (в 1843 и 1852 годах), где даже был избран действительным членом Общества истории и древностей [7]. Закономерно, что творчество этого польского писателя наиболее часто привлекает к себе внимание украинских филологов. В то же время, отметив, что своей многогранной деятельностью Юзеф Игнаци Крашевский внес неоценимый вклад в культурную жизнь Украины XIX века, а Украина в его творчестве заняла почетное место [8, с. 239], Р. П. Радишевский отметил, что среди многочисленных эссе и исследований, посвященных этому писателю, не так уж много

непосредственно литературоведческих. Большой частью работы о Ю. И. Крашевском имеют краеведческий, этнографический, биографический характер [8, с. 236]. Безусловно, считать, что к осмыслению поэтики наследия Ю. И. Крашевского ученые не обращались, нельзя. Среди них – и сам Р. П. Радишевский, и Ю. Л. Булаховская, и В. П. Ведина, и Л. К. Оляндэр, которая, в частности, обратила внимание на структурообразующую роль жанровой картины (*scena rodzajowa*) как одну из наиболее показательных особенностей художественной манеры этого писателя, роднящих его, как и демократизм, ориентация на повседневные сюжеты, опора на индивидуализирующую роль жеста в раскрытии характера [6, с. 209], с русскими художниками-передвижниками и живописцами итальянской реалистической школы „маккьяйоли”.

Целью предлагаемой статьи является выявление авторской концепции действительности, воплощенной в романе „Сумасбродка” на основе выделения в нем системы оппозиций, в первую очередь – „свое – чужое”.

Роман начинается описанием усадьбы польских помещиков Дорогубов в Замилове на Волыни. „Каждая эпоха, – замечает повествователь, – создает ей одной свойственный облик человека. **Некогда** душевное спокойствие и мужество придавали лицам людей, невзирая на войны и суровые испытания судьбы, величавую невозмутимость. От портретов этих усатых рыцарей, жизнь которых состояла из непрерывных битв и невзгод, веет на нас таким покоем, словно им с рождения и до самой смерти улыбалось счастье. Стан их не согнулся под бременем судьбы, в жилах текла горячая кровь, сила была великая. На лицах изнеженных детей **нашего - века** отражаются все его судороги, болезни, слабости, нетерпение. Это лица людей беспокойных, испуганных, злых, наглых, несчастных, людей, которым мало того, что дает им жизнь ... и всегда будет мало” [4, с. 381]. Центральное место в этом описании принадлежит оппозиции „**некогда – теперь**”

(наш век)”. И создается впечатление, что „свое”, то есть присущее современной автору эпохе, представляется ему лишенным значительного содержания и величия. „Некогда” – „суровые испытания”, „битвы” и „невзгоды”. В „наш век” – отсутствие героики. Различны и люди, характеры которых сформированы разными эпохами. Люди из времени „тогда” горды своими подвигами и невозмутимы. Люди нынешнего времени – изнеженные, испуганные, наглые и не довольные жизнью. Так задается мотив угасания, утраты. Однако, как обнаруживается в дальнейшем, и в современности есть незаурядные характеры, но они не находят приложения своим силам.

Действие в романе завязывается в тот момент, когда из Киева, где он обучается в университете, возвращается в канун рождества сын владельцев усадьбы, Эварист. Он сообщает, что повстречал в Киеве Зоню, сестру живущей в доме Дорогубов Мадзи. Оказывается, что Зоня, предоставленная самой себе после смерти опекунов, поступила в университет, где они и повстречались. Следующее за этим сообщением описание душевного состояния Мадзи, строящееся на оппозиции „там – здесь”, дополняет характеристику современного быта. Связанное со всем „новым” пространство города („там”) оценивается как таящая опасность. Не меняющееся пространство „здесь” исполнено покоя и охраняет. „Чтобы представить себе впечатление, произведенное на Мадзю этим рассказом, – замечает повествователь, – надо вспомнить, какое получила она воспитание в спокойной, патриархальной, старой замиловской усадьбе; ведь **сюда** никогда не проникало ни одно новое веяние, **здесь** все новое заранее считалось плохим, испорченным и разрушительным, **здесь** жизнь катилась по издавна проложенной колее... Мадзя слушала со страхом и отчаянием. Ей казалось, что Зоня уже погибла” [4, с.393]. Так характеризуется состояние мира, постепенно уходящее в прошлое, но еще сохраняющее свою силу: патриархальность с присущими ей замкнутостью,

неподвижностью, самодостаточностью и неприятием новизны. „Свое” для патриархального мира – система традиций, „издавна проложенная колея”. „Чужое” – новое, а оттого „испорченное” и „разрушительное”, то, что несет собой „большой” мир. По мнению С. Байдацкой, эта оппозиция „малый мир усадьбы – большой мир города” является главной в романе Крашевского. С одной стороны, „шляхетський двір Замилів”, „традиційний осередок культури, патріотизму і родинних цінностей”. С другой – жизнь Зони, которая перечеркивает „все, на чому ґрунтуються традиції дому” [1, с. 128]. Их несовместимость осознает и Зоня. Получив письмо Мадзи, она объясняет Эваристу, почему ее не трогает его содержание („<...> сколько она написала! <...> Видно, делать ей нечего”): „<...> взаимопонимание между нами невозможно, **мы** слишком далеки друг от друга. **Я** очень хорошо представляю себе **ваш** дом и дух, который господствует в нем. Для **вас** я бунтовщица, а **вы** для меня – несчастные слепцы” [4, с. 404]. Итак, с одной стороны – „мы”, „я”, с другой – „вас”, „вы”, „ваш дом и дух”. Причем „вы”, люди патриархального уклада, для Зони не просто „чужое”, но, скорее, „отторгаемое”, то есть такое „четко истолкованное явление”, которое признается „опасным для существования пространства Своего”. „В отличие от Чужого, которое являет себя интенциональным сбоем, требующим „лечения” в процессе истолкования, – пишет О. А. Довогополова, – Отторгаемое есть уже истолкованное. Если существуют осмысленные традиции объяснения негативности некоего явления и опасности его для Своего, <...>, то перед нами – Отторгаемое” [2, с. 83]. Со своей стороны, и патриархальная среда проявляет непримиримость к „бунтовщице” Зоне. Это относится, безусловно, не к Эваристу, влюбленному в нее, и не к Мадзе, ухаживающей за только что потерявшей ребенка больной сестрой. Речь идет о матери Эвариста, отказывающейся благословить его брак с Зоней.

Подобная непримиримость не была художественным преувеличением писателя. Даже образованная и принадлежащая „большому” миру часть читателей романа на его родине восприняла образ Зони как оскорбляющий представление о полячке и опасный для польского общества. Как, к примеру, Г. Запольская, которая тысячам молодых людей, объединяющихся под знаменами расцветающего в России нигилизма („nihilism kwitnący w Rosji zagarnia pod sztandar swój tysiące młodzieży”), противопоставила женщин в Польше – честных, любящих Бога и, хотя и обладающих знаниями, но не бросающихся в пучину псевдопередовых иллюзий („A tym bardziej kobiety nasze, zacne, kochające Boga i mimo wiedzy nie rzucające się w odmęt mrzonek pseudopostępowych”). Не могла читательница романа Крашевского согласиться и с концовкой произведения, с тем, что героиня отдала свое сердце „французскому распутнику” („a tym bardziej nie kalające swych serc w bezwstydnym sprzedajnych miłościach dla francuskich rozpustników lub niedolegów”) [цит. по: 3, с. 192]. Как видим, ключевую роль в неприятии Г. Запольской образа Зони сыграло увлечение героини романа нигилизмом. Сосредоточив на нем внимание, А. Лисовский в качестве структурообразующей в романе называет оппозицию „идея – жизнь”. Складывается ситуация, пишет он о „Сумасбродке”, когда попытка „подогнать” жизнь под идею ведет к нравственным потерям, нивелированию духовных ценностей, и, в конечном итоге, – к тупику” [5, с. 85].

Нигилисты, главным образом их лидер Евлашевский, убежденный в том, что, „чтобы вернуться на путь истины, с которого мы сошли, надо опрокинуть все существующее, камня на камне не оставить” [4, с. 410], и в самом деле представлены в романе преимущественно негативно. Читателю очевидно превосходство Эвариста, когда он, возражая своему оппоненту, говорит: „Нельзя разрывать цепь, звенья которой, спаянные между собой, и составляют историю человеческого прогресса. Истинный прогресс представляется

мне не метанием из стороны в сторону, а постепенным поступательным движением. Кем бы мы были, отрекаясь от того, что воздвигнуто нашими предшественниками?” [4, с. 410]. Однако необходимо заметить, что, как и в романе И. С. Тургенева „Отцы и дети”, образ героя которого, по словам Е. З. Цыбенко, „стоял перед глазами” Крашевского во время работы над „Сумасбродкой” [9, с. 262], нигилисты у него не являются однородной массой. Сам по себе Евлашевский – слабая альтернатива защитникам патриархального уклада уже потому, что он в своих отношениях с „посвященными” не менее патриархален. Его радует, что его именуют „отцом” (в эпизоде его знакомства с Эваристом это слово повторяется девять раз), а свое общение с молодыми людьми он оценивает как обращение в веру [4, с. 409]. Что же касается Зони, то она в отношениях с Евлашевским проявляет „детскую непосредственность” [4, с. 408]. Поэтому судить о том, что ею руководит идея, а не чувство, нельзя. Для нее, как и для ее предшественника в литературе Евгения Базарова, главным авторитетом является ее собственный опыт. Предлагая Эваристу избавить ее от опеки, она восклицает: „<...> меня опекают моя голова и мое сердце, и ничего другого не нужно” [4, с. 404]. Скорее всего, не оппозиция „живая жизнь („свое”) – ложная идея („чужое”)” составляет центр романа, хотя ей и принадлежит в нем важное место.

Для того, чтобы определить наиболее полно соответствующее воплощенной в романе авторской концепции содержание оппозиции „свое – чужое”, обратимся к его замыслу. Как показывает Е. З. Цыбенко, „Szalona” была написана „по заказу редактора варшавского журнала „Тыгодник Иллюстрированы” Людвика Енике, предложившего Крашевскому „вывести на сцену несколько <...> нигилистов, ошеломляющих молодежь своими теориями” [цит. по: 9, с. 255]. Одну из них судьба должна была „забросить под крышу старого шляхетского дома, в котором еще живы старые традиции”.

Для контраста с нигилисткой редактор Л. Енике рекомендовал „изобразить сердечную польскую девицу, понимающую жизнь по божеским законам, хотя и не погрязшую в плесени консерватизма”. „Нигилистка, – заканчивает Л. Енике, – могла бы в конце выйти замуж <...> за русского, а польская девица... Ну, для нее Вы уже найдете какого-нибудь приличного парня, если роман не разовьется в драму” [цит. по: 9, с. 260–261]. По сути, Крашевский реализовал предложенную модель. Однако, во-первых, в конечном итоге опубликовал роман не в журнале Л. Енике, а во-вторых, изменил концовку. Непримируемая в своей борьбе за самостоятельность Зоня не находит семейного счастья, обречена жить далеко от родины во Франции, где пишет пылкие статьи для республиканской газеты. Что же касается Мадзи, то и для нее писатель не нашел возможности благополучного финала. Она остается в доме Эвариста, в которого влюблена, на положении помощницы его жены. Да и сам Эварист, женившись, ведет жизнь затворника, ограниченного интересами быта. Итак, роман „развился в драму” об общей неустроенности. На наш взгляд, это отражает мироощущение писателя, которому все вокруг казалось „чужим”, а „свое”, хотя и содержало в себе возможность высокого, как и в героическую эпоху прошлого, не находило путей реализации этого высокого. По сути, „дом” был утрачен, а пути к его восстановлению представлялись весьма неопределенными.

Современный польский исследователь М. Сладовский обращает внимание на значимость для Крашевского темы дома особенно в последний период его жизни, перед лицом старости („Dom jest istotną figurą pamięci w wyobraźni Kraszewskiego. W samym myśleniu o starości staje się elementem odzwierciedlającym tęsknoty, jest znakiem przeszłości i młodości”), когда писатель особенно остро переживал состояние бесприютности, „жизни среди руин” („Kategorią, która najlepiej oddaje położenie Kraszewskiego, jest bezdom-

но́сь, rozumiana także jako strategia ucieczki od życia pośród ruin”) [10, 74]. Опираясь на высказывания писателя, М. Сладовский обосновывает мысль о том, что понятие дома в сознании Крашевского приобретало и онирический, и антропологический смысл: „Okazuję się bowiem, iż dom może być symbolicznym odwzorowaniem człowieka: „Domy – pisze Kraszewski – mają fizjonomię, wiek swój napisany na czole i charakter jak ludzie” (J. I. Kraszewski, Pamiętnik z lat młodości, w: Pamiętniki, oprac. W. Danek, Wrocław 1972, s. 109) [10, с. 67]. Нельзя исключить, что и тональность романа „Szalona” определяется тем состоянием бесприютности, которое переживал писатель в последний период своей жизни.

Выводы. Доминирующая в романе „Szalona” оппозиция „свое – чужое” реализуется несколькими частными („прошлое – настоящее”, „малый мир – большой мир”, „город – усадьба”, „долг – чувство”, „живая жизнь – учение”). Эта оппозиция передает тревогу Крашевского, вызванную состоянием современного ему общества. В первую очередь – непреодолимостью нравственного и идейного раскола в нем, непреодолимостью противоречия между неподвижным миром патриархальности и процессом пробуждения самосознания личности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Байдацька С. „Божевільна” Юзефа Крашевського: жанрово-стильова модель твору / С. Байдацька // Київські полоністичні студії. – К.: Київський національний університет ім. Тараса Шевченка, 2013. – Т. XXII. – С.126–131.

2. Довгополова О. А. Другое, Чужое, Отторгаемое как элементы социального пространства / О. А. Довгополова. – Одесса : СПД Фридман, 2007. – 300 с.

3. Зелінська Л. „...To typ moskiewskiej nihilistki, ale nie polskiej dziewczyny”: один епістолярний епізод із життя читачки Г. Запольської

і письменника Ю. І. Крашевського / Л. Зелінська // Волинь-Житомирщина. Історико-філологічний збірник з регіональних проблем. – 2014. – Вип. 25. – С. 187–195.

4. Крашевский Ю. Дневник Серафины / Пер. с пол. О. Смирновой и Т. Лурье; Сост. О. Смирновой; Предисл. А. Липатова. – М. : Худ. лит., 1987. – С. 379–589.

5. Лісовський А. Відкриваючи духовний смисл буття (творчість Юзефа Крашевського в горнилі віків) / А. Лісовський // Науковий вісник Волинського національного університету імені Лесі Українки. Філологічні науки. Літературознавство. – 2014. – № 9. – С. 82–86.

6. Оляндер Л. К. Волинський текст в українській та польській літературах (XIX–XX ст.) / Л. К. Оляндер. – Луцьк : Волин. нац. ун-т, 2008. – 236 с.

7. Попруженко М. Г. Ю. И. Крашевский в Одессе. – Одесса : „Славянская” типография, 1912. – 7 с.

8. Радишевський Р. П. Рецепція Ю. І. Крашевського в Україні / Р. П. Радишевський // Київські полоністичні студії. – К. : Київський національний університет, 2003. – Т. V. – С. 233–242.

9. Цыбенко Е. З. Польский социальный роман 40-70-х годов XIX века / Е. З. Цыбенко. – М. : Изд-во МГУ, 1971. – 359 с.

10. Szladowski M. (Bez)senna egzystencja. Starość Józefa Ignacego Kraszewskiego / M. Szladowski; red. i oprac. A. Janicka. – Białystok: Warszawa : Zakład Badań Interdyscyplinarnych i Porównawczych „Wschód – Zachód”. Wydział Filologiczny UwB; Narodowe Centrum Kultury, 2012. – 161 s.

REFERENCES

1. Baydats'ka S. „Bozhevil'na” Yuzefa Krashevs'kogo: zhanrovostil'ova model' tvoriv / S. Baydats'ka // Kyivs'ki polonistichni studii. – K. : Kyivs'kiy natsional'niy universitet im. Tarasa Shevchenka, 2013. – Т. XXII. – P. 126–131.

2. Dovgopolova O. A. Drugoe, Chuzhoe, Ottorgaemoe kak elementy sotsial'nogo prostranstva / O. A. Dovgopolova. – Odessa : SPD Fridman, 2007. – 300 p.

3. Zelins'ka L. „...To typ moskiewskiej nihilistki, ale nie polskiej dzievczyni”: odin epistolyarniy epizod iz zhittya chitachki G. Zapol's'koï i pis'mennika Yu. I. Krashevs'kogo / L. Zelins'ka // Volin'-Zhitomirshchina.

Istoriko-filologichniy zbirnik z regional'nikh problem. – 2014. – Vip. 25. – P. 187–195.

4. Krashevskiy Yu. Dnevnik Serafiny / Per. s pol. O. Smirnovoy i T. Lur'e; Sost. O. Smirnovoy; Predisl. A. Lipatova. – M. : Khud. kit., 1987. – P. 379–589.

5. Lisovs'kiy A. Vidkrivayuchi dukhovniy smisl buttya (tvorchist' Yuzefa Krashevs'kogo v gornili vikiv) / A. Lisovs'kiy // Naukoviy visnik Volins'kogo natsional'nogo universitetu imeni Lesi Ukraïнки. Filologichni nauki. Literaturoznavstvo. – 2014. – № 9. – P. 82–86.

6. Olyander L. K. Volins'kiy tekst v ukrains'kiy ta pol's'kiy literaturakh (XIX–XX st.) / L. K. Olyander. – Luts'k : Volin. nats. un-t, 2008. – 236 p.

7. Popruzhenko M. G. Yu. I. Krashevskiy v Odesse. – Odessa: „Slavyanskaya” tipografiya, 1912. – 7 p.

8. Radishevs'kiy R. P. Retseptsiya Yu. I. Krashevs'kogo v Ukraini / R. P. Radishevs'kiy // Kyivs'ki polonistichni studii. – K. : Kyivs'kiy natsional'niy universitet, 2003. – T. V. – P. 233–242.

9. Tsybenko E. Z. Pol'skiy sotsial'nyy roman 40-70 kh godov XIX veka / E. Z. Tsybenko. – M. : Izd-vo MGU, 1971. – 359 p.

10. Szladowski M. (Bez)senna egzystencja. Starość Józefa Ignacego Kraszewskiego / M. Szladowski; red. i oprac. A. Janicka. – Białystok: Warszawa : Zakład Badań Interdyscyplinarnych i Porównawczych „Wschód – Zachód”. Wydział Filologiczny UwB; Narodowe Centrum Kultury, 2012. – 161 s.

В. Б. Мусій

ОПОЗИЦІЯ „СВОЄ – ЧУЖЕ” В РОМАНІ Ю. І. КРАШЕВСЬКОГО „НАВІЖЕНА” („SZALONA”)

У статті на основі вивчення системи опозицій визначається характер втіленої в творі авторської концепції дійсності. Це опозиції „минуле – сьогодення”, „великий світ міста – малий світ садиби”, „обов'язок – почуття”. Головну роль відіграє опозиція „своє – чуже”. Робиться висновок, що на тональність роману впливає переживання його автором стану безпритульності.

Ключові слова: опозиції, роман, авторська концепція, своє, чуже, що відторгається, Юзеф Ігнаци Крашевський.

V. B. Musiy,
Doctor of Philology,
Professor of World Literature Department,
Odesa I. I. Mechnikov National University,
24 / 26, Frantsuzky Blvd., Odesa, 65058, Ukraine,
tel.: (048)746-56-97,
urd7@rambler.ru

**OPPOSITION „OWN-ALIEN”
IN THE NOVEL „MADWOMAN” („SZALONA”)
BY JU. KRASHEWSKY**

Summary

The article is devoted to the investigation of Ju. Krashevsky's novel „The Madwoman” („Szalona”), which was written in 1880 and presents ideological and social life of Poland in Volhynia and in Kyiv in 1860's. The aim of the article is to determine the character of the author's conception of reality, embodied in the novel. Attention is concentrated on the system of oppositions in it. These oppositions are: „the past – the present”, „large world of city – little world of farmstead”, „loyalty to traditions – independence”, „conservatism – nihilism”, etc. All of them help to understand the idea of the writer about the unhappy state of the society – absence of unity, consent in it. Both sides of the conflict – people of the patriarchal world, following the traditional manner of life and traditional opinions, from one side, and people, who are sure of their right on independence, on the other side, are irreconcilable in the non-acceptance of each other. Each of the parties estimates the other as „alien” and even „torn away”. As a result, the author of the article comes to the conclusion that the dominant role in the novel by Ju. Krashevsky has the opposition „own – alien”. It helps the writer to express the tragic worry of homelessness. That is why each hero of his novel remains unsettled. So, the practical value of the article lies in the investigation of its poetics on the level of the conflict semantics.

Key words: opposition, novel, author's conception of reality, own, alien, torn away, Ju. Krashevsky.

Надійшла до редакції 11.07.2016 р.